

© 2000 г., ЭО, № 6

З.П. Соколова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАЛЛА В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ ОБСКИХ УГРОВ*

Использованию металла в культовой практике хантов и манси посвящено немало работ. Одним из первых исследования в этой области начал В.Н. Чернецов¹, указанной проблемой занимались Н.Ф. Прыткова, С.В. Иванов, а также автор настоящей статьи². В последнее время появились новые интересные материалы³. В связи с этим, а также с выходом ряда работ, посвященных древним южным (индоиранским) связям обских угров⁴, имеется возможность изучить данную проблему глубже. Рассмотрим самые разные формы использования металла в культурах и ритуалах хантов и манси.

С древнейших времен, еще у далеких предков обских угров известны металлические (бронзовые, медные) литые (объемного, чаще плоского литья) зоо- и антропоморфные фигурки явно культового назначения. Зооморфные фигурки встречаются с середины I тыс. до н.э. – начала II тыс. н.э. (Усть-Полуй, Иртыш, Приобье)⁵, антропоморфные – с начала II тыс. н.э. Среди последних – фигурка в коническом шлеме, с изображением «линии жизни» (II–III вв. н.э., Нарым), круглоголовая (IX в. н.э., Иртыш, Тарский у.) – очевидно, обе местного производства, и третья – в высоком головном уборе и с рогом в руке (X в., Кинтусово, Салым, привозная)⁶.

С середины I тыс. до н.э. обнаруживаются различные культы, хорошо известные у хантов и манси позднее, в XVII–XX вв.: медведя⁷, возможно, фратриальных и родовых тотемов⁸, мифической птицы Карс⁹, небесного всадника Мир-Сусне-Хума¹⁰ и др.

Об использовании в культе обских угров в XIX–XX вв. археологических находок в виде подобных фигурок писали Н.П. Гондатти, В. Радлов, Л.Р. Шульц, А.Ф. Теплоухов, С.В. Иванов¹¹. Когда таких раритетов не хватало, антропо- и зооморфные изображения духов изготавливали из меди, олова, позднее – из свинца. Русские купцы, учитывая потребность аборигенов в таком товаре, привозили его из Центральной части России; С.К. Патканов писал, что подобные отливки делал один поляк в Тобольске, который за моделями для них ездил к хантам и манси. Н.А. Абрамов и Б.Н. Городков считали, что подобные изображения духов обские угры получали от коми, в том числе от переселившихся в Сибирь. Н.А. Абрамов допускал, что ханты и манси могли выплавлять из металла изображения зверей и птиц самостоятельно. Это подтверждает и Н.Л. Скалозубов, описывая способ литья из олова у нижеобских хантов и в то же время упоминая мастерскую кузнеца в Березове, где изготавливались медные отливки с изображениями птиц, коней, людей и украшения по образцам ненцев (а возможно, и хантов)¹².

В наших полевых материалах 1970-х годов содержатся данные об отливке хантами из олова и свинца изображений вместилищ душ (*иттарма*), а также духа-покровителя в виде лягушки (см. рис. 1, 2)¹³. Н. Спафарий сообщал о деревянных и литых серебряных, медных «болванах» в д. Лебоут на Иртыше, П.С. Паллас – об отлитом из меди «истукане» с охотничьим копьем на высокой скале между Сосьвой и Лобвой; Ф. Белявский – о зооморфных «кумирах» из олова и меди¹⁴. В Сибирских летописях, а также Г. Новицким (а вслед за ним Н.А. Абрамовым, С.В. Бахрушиным, А.М. Золо-

* Статья написана при поддержке РГНФ (проект № 99-01-00186а).

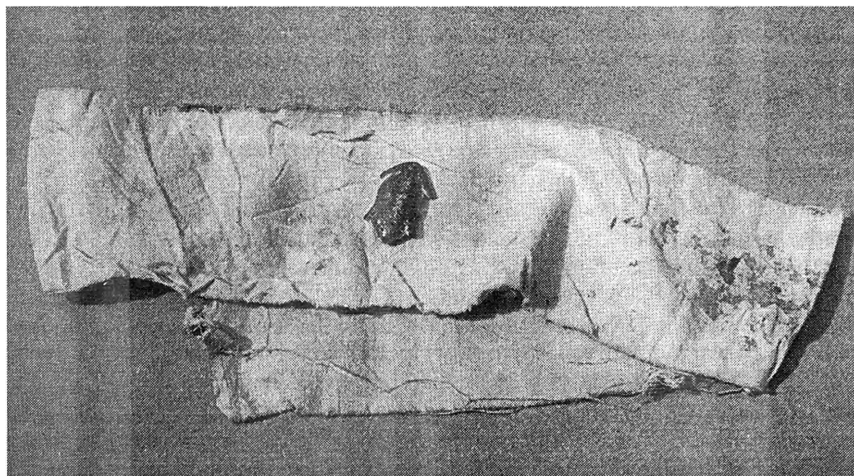

Рис.1. Изображение лягушки с Нижней Оби

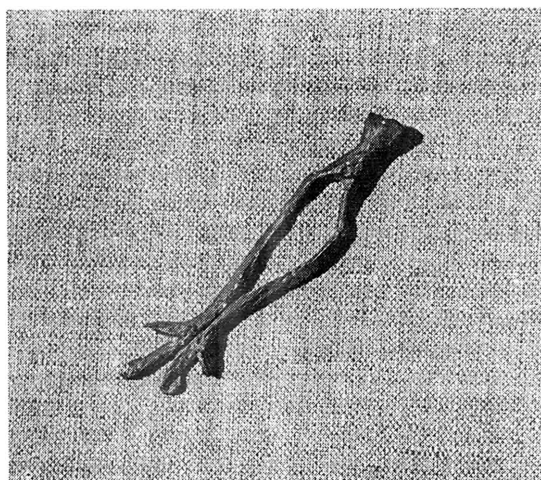

Рис.2. Изображение лягушки (ханты, д.Шишинги, Шурышканский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ)

таревым) был описан бог птиц из Белогорья на Оби – медный гусь, сидящий в гнезде из сукна, холста и кожи (расплавлен и брошен в Обь в 1712 г. во время христианизаторской поездки Ф. Лещинского и Г. Новицкого)¹⁵. В.Ф. Зуев сообщал об «идолах» в Воксарковых юртах на Нижней Оби (ниже Салехарда-Обдорска), которые «всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабжены»¹⁶. М. Плотников упоминал мансийское предание о птице-лебедь из золота: в третьей песне медвежьего праздника говорится о птице Таукси в образе золотого лебедя¹⁷. П. Сорокин, С.Е. Мельников и Н.Л. Гондатти писали о почитаемых богах и домашних духах в виде металлических фигурок. П. Инфантьев сообщал о 14 медных лебедях в священном амбаре духа охоты, покровителя птицеловов на Конде, серебряном изображении женщины в Юмнельпауле на р. Конда, И.Н. Глушков – об использовании чердынскими манси в обрядах металлических фигурок лошадей. И.Н. Смирнов привел

данные о широком распространении у уральских манси золотых, серебряных, медных и железных «шайтанов»: в 1837 г. в Аятской слободе было найдено два медных истукана с круглым туловищем, короткими руками, конусообразно сведенными ногами; у Верхне-Исетского завода – медная полоса с обозначенными глазами, носом, ртом и двумя выпуклостями по бокам, у Ревдинского завода – птица из красной меди¹⁸. С.В. Бахрушин перечислил «вырезанные болваны серебряные, и медные, и деревянные, и всякие»¹⁹. Г.И. Пелих описала хантыйские оловянные изображения духов со Средней Оби (сейчас Томская обл.).

В.Н. Чернецов упоминал оловянные фигурки лосей на р. Вижае, притоке Лозьвы в с. Сав-науль и Лепле (приок Сосьвы) – у Елесиных, ястреба из белой бронзы (VIII в. н.э.) – у Гоголевых в юртах Тоболдинских, серебряного слона – в мансийском селении Халь-пауль на Северной Сосьве («охранитель порога»), филина – тотем Тасмановых (с р. Ляпин); С.В. Иванов (со ссылкой на Н.А. Попова) – о фигурках медведей из меди у северных хантов, которым поклонялись после охоты на этого зверя, об оловянных и свинцовых антропоморфных фигурках из Березова, с Салыма, Васюгана²⁰. Н.Н. Гревенс среди амулетов в ящике с изображениями духов-покровителей Дунаевых на Оби перечислял бронзового медведя, медные кольца, русские монеты²¹.

И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев обнаружили в священных мансийских амбарчиках на Северной Сосьве и Ляпине различные (антропо- и зооморфные) изображения почитаемых духов из меди, серебра, свинца – лося, медведя, собаки, утки, коня, оленя. Свинцовая основа была у духа Пайпын-ойка в Хошлоге. На святилище Пырсим (Северная Сосьва) в туеске хранилась антропоморфная личина из белого металла²². Е.А. Кузакова отмечала, что в верховьях Конды почитали старика, хранителя зверей и птиц, в виде медного идола. Такие фигурки приносились в жертву духам²³.

Чаще всего изображения духов (особенно антропоморфные) делали из дерева. Так, С.В. Бахрушин привел число уничтоженных миссионерами идолов в Березовском у. в 1721 г.: 1200 деревянных и 5 железных²⁴. Тем не менее часто употреблялся по сравнению с другими народами Сибири у хантов и манси для таких целей металл: мы неслучайно привели выше подробные данные об этом.

В связи со сказанным выше стоит вновь обратиться к образу легендарной Золотой Бабы. Известно, что первоначально ее помещали в европейской части России – в верховьях Камы, Вятки и даже на Вычегде, там, где обитали коми, в Биармии, а затем в низовьях Оби. Ввиду того что известия о ней весьма противоречивы и практически все, кто о ней писал, сами ее не видели, а лишь ссылались на слухи, многие исследователи считают этот образ вымышленным, сомневаясь в его существовании²⁵. Однако, по-видимому, вопрос не так прост. Вполне возможно, что такая статуэтка иноземного происхождения (скорее всего с юга, где в археологических памятниках, например в скифских, мы встречаем много золота) путем обмена ее на пушнину попала на север европейской части страны или в Прикамье. В этом нас убеждают следующие обстоятельства: 1) для предков хантов и манси весьма характерны подобные изображения духов, причем ценились золотые и серебряные; 2) предки манси и, возможно, отдельных групп хантов жили западнее Урала вплоть до Вычегды – в археологических культурах Прикамья и Приуралья, которые отдельные исследователи относят к древнеугорским²⁶, часты находки металлических культовых изображений; 3) один из описанных конкретных образов Золотой Бабы – «старуха с сыном в утробе» с устья Оби. Согласно другим сообщениям, это женщина с одним, двумя или тремя детьми²⁷.

Описанные образы имеют прямые аналогии с культовым металлическим литьем Приуралья и Западной Сибири. Например, Л.С. Грибова опубликовала изображение женщины с ребенком внутри нее, а И.Н. Гемуев соотнес с этим изображением деревянную фигуру Матери с личиной дочери под грудью из святилища бога грома и молнии Шахэл-Торума (д. Анеево, Северная Сосьва), а также с двумя металлическими литыми фигурками из числа шаманских, опубликованных А.А. Спициным²⁸. Не менее интересна другая деревянная женская фигурка с вложенным в нее (в специально

вырезанный паз) металлическим изображением, вероятно, ребенка, опубликованная И.Н. Гемуевым и А.М. Сагалаевым, сопоставившими ее с изображением женского духа, на груди которого (но в складках одежды) помещена фигурка ребенка из кости в книге С.В. Иванова²⁹. Начало этой традиции мы находим в многочисленных изделиях культового литья и гравировок на зеркалах, когда на груди животного, птицы изображается человеческая личина³⁰.

Сибирская хроника 1700 г. свидетельствовала об отлитом из золота «русском боге», сидящем в чаше (в крепости в устье Демьянки)³¹. О золотом кумире у хантов сообщали С. Ремезов, Г. Миллер, о золотом идоле Остер-тур в верховьях Северной Сосьвы – Н.А. Абрамов, М. Заплатин. Воспоминания и слухи о Золотой бабе (Сорни-най) упорно сохранялись у манси до недавних пор. Ее помещали на Обь, ее низовья, на ее приток Казым, на Таз, в Березовский городок. Согласно легенде, Сорни-най при приближении русской дружины бросилась в Обь, другая легенда гласит, что ее унесли на Урал, на гору Манья-тумп³².

Таким образом, сомнительно, что столь богатый комплекс легенд не имел под собой оснований. Золотая баба существовала, но из-за особой ценности ее много раз прятали, переноса с места на место. В конце концов ее могли так надежно спрятать, что найти ее теперь можно лишь случайно. Возможно также, что золотую бабу все-таки выкрали и перелили в слиток. В фольклоре коми нет никаких отголосков на эту тему, поэтому скорее всего с самого начала эта фигурка принадлежала предкам манси, расселявшимся в прошлом далеко к западу от Урала³³. В пользу реальности ее существования свидетельствуют и давний обычай обских угров использовать металл для изготовления изображений духов, почитание последних и предпочтение драгоценных металлов – золота и серебра – дереву, о чем речь пойдет далее.

Традиция использования металла для изготовления изображений почитаемых духов была настолько сильна, что даже на деревянных «болванах», или «идолах», при любой возможности ханты и манси фиксировали черты лица (глаза, рот, нос) при помощи медных пуговиц, монет, кусочков жести, серебра. Так, Обский старик, бог рыб из Белогорья, также сожженный Г. Новицким в 1712 г., был деревянным, с жестяным носом и стеклянными глазами, грудь его была золотой, в голове находилось золото (которое можно было брать в плохие годы займы, возвращая впоследствии). П.С. Паллас сообщал об антропоморфных идолах, у которых вместо глаз – дробинки или корольки. М. Плотников писал об изображении Мейка (злое божество) из дерева с глазами из александрита, которые днем были зелеными, а ночью – красными. В.Н. Чернецов видел в амбарчике священного места Сампильталовых на р.Лепле деревянное изображение духа (сына Леп-тит-ойки) и свинцовое с серебряными глазами самого Леп-тит-ойки³⁴.

На Нижней Оби в с. Кюхата (ниже Обдорска) О. Финш и А. Брэм обнаружили изображение духов («шайтанов»): мужчину с лицом в виде медной бляхи и женщину с лицом в виде медной пуговицы. С.В. Иванов, ссылаясь на других авторов, описал идола обдорских хантов с лицом-бляхой русской работы, на которой изображен всадник. М.А. Кастрен писал о бляхах на лицах идолов, нередко встречающихся в святилищах обских угров; ими и фигурками животных украшали, обшивая, одежду духов (Воксарковы юрты)³⁵.

Лицо, обозначенное монетой, металлической пуговицей или пластинкой, нередко было у деревянной или изготовленной из одежды иттармы (вместилище души) у северных хантов и манси (рис. 3)³⁶. Пуговицы, бляшки, монеты, бусинки ханты и манси использовали для обозначения глаз, рта (иногда и ушей) на погребальных масках из оленьей шкуры, которыми покрывали лица умерших. Н.Ф. Высоцкий опубликовал деревянное изображение мансийской женщины с такой маской на лице и медными пуговицами на месте глаз (под глазные прорези было подложено красное сукно), считая его идолом, а К.В. Харламович счел, что это погребальная кукла иттарма³⁷, категорически отрицая существование у хантов и манси подобных изображений духов (с масками). Смысл маски он видел в стремлении порвать всякую связь умершего с

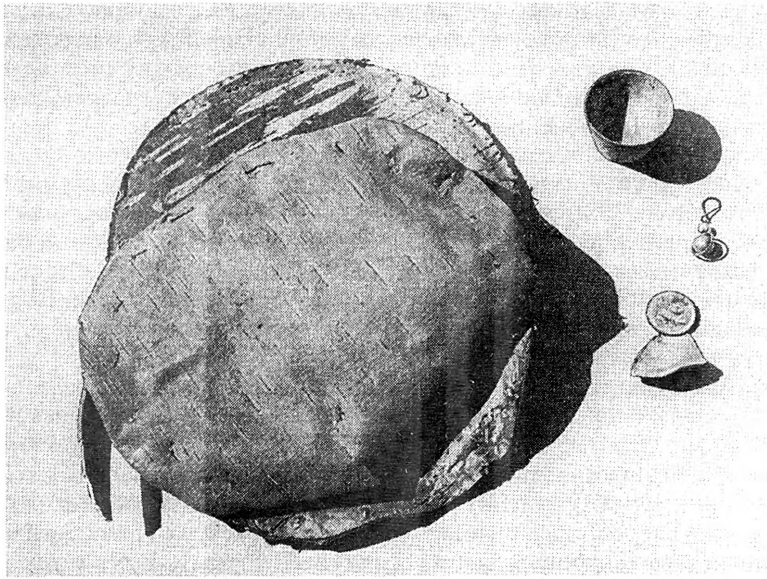

Рис.3. Вместилище души с лицом-монетой и с дарами, хранившееся в берестяной коробке (Нижняя Обь, Ямало-Ненецкий автономный округ)

реальным миром. Конечно, опубликованное Н.Ф. Высоцким изображение по размерам (60 см) не совсем подходит к иттарме (их размеры в XX в. – до 23–24 см, а вместилище души *ура* трагически погибшего человека – 27–40 см). Тем не менее в прошлом они могли быть и больше, если представляли собой изображения умерших мужей, которые жены укладывали с собой в постель³⁸. Глаза и рот (нос) убитого медведя на медвежьем празднике обских угров также закрывали монетами, бляхами или кружками, вырезанными из жести, позднее – из бересты. И.Н. Смирнов писал, что на медвежьем празднике хантов и манси актеры надевали маски «с подвязанными иногда к носу или подбородку кружочками, треугольниками»³⁹.

У некоторых деревянных мансийских вместилищ души монета вставлена в углубление на груди. И.Н. Гемусев сопоставил их с металлической фигуркой с кругом на груди из Гляденовского Костица в Прикамье. В этой связи интересны металлические фигурки лося, волка, оленя с Лозьвы и Северной Сосьвы с монетами, вставленными в бок⁴⁰.

Монеты, бляхи, пуговицы, кружки из металла использовали для небольших по размерам изображений духов. Лица духов крупных размеров оформляли с помощью кусков жести, серебра, а также металлических тарелок, блюд, зеркал, накладок-венчиков. У обских угров такая практика была широко распространена.

Г. Новицкий в 1712 г. сжег деревянного, обитого сукном идола Шоркарских юрт (Нижняя Обь) «с личиной из жести», которого он называл «серебряным кумиром». Он же писал о перенесенном с Конды в Белогорье идоле, у которого «личина была обита белым». Штаб-лекарь В.Н. Шавров сообщал об Ортике, помощнике верховного божества хантов Торыма – деревянном, с лицом, выбитым из серебра. Вслед за ним Н.А. Абрамов отмечал «серебряное лицо» у Ортика и упоминал деревянного идола из Нахрачевских юрт на Конде «с ликом из белого железа». В мифах фигурирует богатырь «с серебряной головой». Ж.Б.Б. Эйрис, очевидно, со слов других авторов, писал об Ортике, Еляне и Лонге – деревянных кумирах «нередко с металлическим лицом». М.А. Кастрен указывал, что у идолов, изображающих духов-покровителей

родовых и племенных групп, лица «обложены железом». С.В. Иванов со ссылкой на Б.Н. Городкова и Л.Р. Шульца упоминал *тонгха* (духа-покровителя) с Салыма, на лице у которого – жестяная пластинка. Деревянная личина с серебряной обкладкой хранится в Тобольском музее. Х. Лопарев сообщал (по данным И.Ф. Страленберга и Г.Ф. Миллера) о находке в 1730 г. близ с. Самарово металлического зеркала с куфической надписью X–XI вв., которому поклонялись ханты⁴¹.

Традиция изображать лица почитаемых духов с помощью металла очень древняя и, вероятно, связана с древним угорским обычаем закрывать лицо умершего металлической маской. Такие маски из золота, серебра, позолоченного металла обнаружены в могильниках Приуралья (Пермская обл., Башкирия, Татарстан). Эти маски или личины-накладки (не полностью закрывающие лицо), надглазники и «наротники» имеют разную форму: прямоугольные, трапециевидные, удлинённые с прорезями для глаз и рта, иногда с очертаниями губ, бровей, носа (возможно, посмертные). К.В. Харлампович связывал такие маски с вместилищами души покойника с маской на лице, имея в виду опубликованное Н.Ф. Высоцким изображение мансийской женщины. А.И. Соловьев считал, что найденные в сибирских кладах металлических предметов антропоморфные личины – это обкладки лиц деревянных идолов. Масками (берестяными или деревянными) закрывали лица мужчины-актеры на медвежьем празднике (М. Ковальский писал о плясках женщин в масках на семидневном празднике в честь духа Мастерко). В связи с этим любопытно единичное упоминание Н.А. Свешникова о том, что на медвежьем празднике «использовали маски из жести»⁴².

Хорошо известен из литературы обычай северных хантов и манси изображать лицо почитаемого духа с помощью металлической (лучше серебряной) тарелки или блюда. Это явление подробно описано В.Н. Чернецовым на основе сообщений XVIII–XIX вв. В.Н. Шавров, а вслед за ним Ф. Белявский описали помощника Ортика из Васпугольских юрт на Нижней Оби – Лонга (Мастер Лонга): он сделан из мешка, набитого другими мешками, в середине которого прикреплен серебряная тарелка. Н.А. Абрамов помещает его в Троицкие юрты на Оби. У О. Финша и А. Брэма Оорт – «мумия» из тряпок, видимо, установленная на обшпленном дереве, с лицом из двух оловянных и двух серебряных тарелок над ней. В другом месте они отождествляют его с Мастером, или Маштером, и пишут, что у его изображений «железные лица» (по-видимому, они сами не видели их, а писали со слов других людей)⁴³.

На одной из декоративных шторок XIX в., опубликованных В.Н. Чернецовым, на помосте изображен сидящий идол в конической шапке с султаном, саблей в руке и с блюдом на животе (рис. 4). С.В. Иванов, по данным Б.Н. Городкова и Л.В. Шульца, описывал *тонгха* в роще на р. Салым с жестяной пластинкой на лице и оловянным тазиком на шее. Возможно, того же идола упоминал К.Ф. Карьялайнен на Салыме (с тарелочкой на шее)⁴⁴.

В.Н. Чернецов сообщал (по данным И. Орбели), что манси в XVI в. прикрепляли к дереву тарелку или блюдо, изображая таким образом солнце и луну (С.В. Бахрушин писал, что на священных деревьях вешали «серебро и золото и шелк...»). Культ священных деревьев, в которых обитают духи, очень развит у хантов и манси и, возможно, связан с их обычаем вырезать изображения духов на деревьях. Этот обычай описан многими авторами. Так, Н.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев опубликовали такое изображение на святилище манси Пырсим на Северной Сосьве – кедр с вырубленной на нем личиной⁴⁵. Можно привести упоминание Ф. Белявского о священном шесте в доме и текст мансийской легенды о серебряном блюде из с. Верхнее Нильдино (Северная Сосьва): блюдо, которое служило родовой святыней и на котором были изображены почитаемые духи, повесили на шесте в переднем углу дома⁴⁶.

Металлические тарелки, блюда и блюда использовались и в иных культовых целях. Мансийская легенда рассказывает, что Мир-сусне хум («За миром смотрящий человек»), младший сын Нуми-Торума, «крылатого всадника» (всадник на белом крылатом коне), опускается на землю и становится четырьмя ногами (коня) на четыре серебряные тарелки. Поэтому в посвященном ему святилище всегда хранились

металлические блюда или тарелки, которые раскладывались на земле во время обряда вызывания Мир-сусне хума, что подтверждено находками новосибирских этнографов в доме П.Е. Шешкина и в святилище Хонт-Торума, где хранились и изображения Мир-сусне хума⁴⁷.

С.В. Бахрушин, по данным архивных документов XV в., писал, что во время угорского обряда клятвы-присяги на медвежьей шкуре «пили с золота воду, приговаривая: "Кто изменит, а ты, золото, чуй!"»⁴⁸.

В металлические (особенно серебряные) чаши и блюда собирали кровь жертвенных животных и пили ее. Жертвенным мясом кормили духов и сами его ели только из металлических тарелок и блюд. В серебряных блюдах, чашках хранили деньги (монеты), принесенные в жертву духам⁴⁹.

Учитывая все это, неудивительно, что серебро и золото, в том числе посуда, изготовленная из этих металлов, всегда высоко ценились у хантов и манси, их приобретали и хранили как святыни. Например, как святыню хранили серебряное блюдо манси Самбиндаловы; в доме Остеровых в с. Верхнее Нильдино в мешке хранили серебряные, медные и железные блюда. В предании о святилище Торум-Хан на Ляпине говорится о его создании после нахождения вблизи него металлической тарелки с изображенным на ней всадником. С.В. Бахрушин приводит данные в находках в могилах XVII в. 30 серебряных чар и 10 медных котлов (в могилу кладут «серебряное всякое посудье»)⁵⁰.

О жертвоприношениях в виде серебряных тарелок и блюд, а также монет сообщал Н.А. Абрамов. П. Инфантьев писал, что дух Виш-отыр, живущий на Оби, любит «все белое» – серебро, белых баранов, лошадей⁵¹.

Сасанидское серебро (чаши, блюда, вазы) путем обмена на пушнину поступало в Сибирь, на Урал, в Приуралье с X до XVI в., его часто находили в Прикамье, Приуралье и Западной Сибири. Позднее, в 1830-х годах одна из мастерских в Тобольске наладила производство серебряных и иных металлических тарелок, блюд и венчиков-налобников, которые поступали к обским уграм через купцов⁵².

Еще более оригинальны обско-угорские изображения духов, лица которых обозначены с помощью серебряных или металлических пластин, так называемых налобников, или венчиков. Нами описано такое изображение женского духа Вут-ими с р. Казым: ее туловище составляла связка шкурок, голову – плетеный из прутьев каркас, на который был надет платок, а лицо было имитировано рядами серебряных пластин со штампованными рисунками (рис. 5).

Возможно, о таком же изображении сообщал В.Ф. Зуев, а вслед за ним – П.С. Паллас, О. Финш, А. Брэм, Ф. Белявский, Н.А. Абрамов: в Воксарковских юртах в 70 верстах от Обдорска у идолов «на голове венцы серебряные» или налобники. Ж.-Ж.-Б. Эйриэ писал об украшении кумиров серебряными, золотыми и медными налобниками и запястьями. Такие же пластинки хранятся в музеях Будапешта, Тобольска. Перечисляя серебряные вещи в имуществе кондинского князца Агая, С.В. Бахрушин (по С.К. Патканову) упоминал и два серебряных венчика. Среди прикладов-приношений духу от семьи Дунаевых (Средняя Обь) Н.Н. Гревенс упоминал и металлическую пластинку около 25 см длиной и 6,3 см шириной с типичными штампованными и гравированными рисунками. Такие же пластинки из с. Ломбовож на Ляпине и Верхнее Нильдино на Северной Сосье опубликованы И.Н. Гемуевым и А.М. Сагалаевым. В первом случае они были пришиты на суконные ленты-наголовники (их мужчины-танцоры надевали во время военных танцев), во втором – латунный налобник хранился в священном сундуке. В. Новицкий в 1913 г. видел подобную железную пластину на шее медвежьего чучела во время медвежьего праздника⁵³.

Для обских угров также очень характерно широкое использование металлического оружия в культовых целях. Оно играло роль самих изображений духов: это могли быть как связки стрел (деревянных, с металлическими наконечниками), так и топоры, ножи, копья. Ф. Белявский отмечал, что в дуплах деревьев на священных местах хранили стрелы, с помощью которых добыли много зверей. Такие стрелы приносили в

Рис. 4

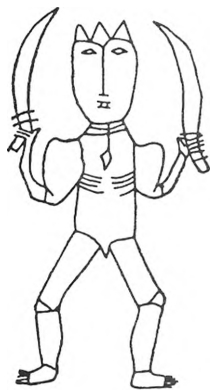

Рис. 6

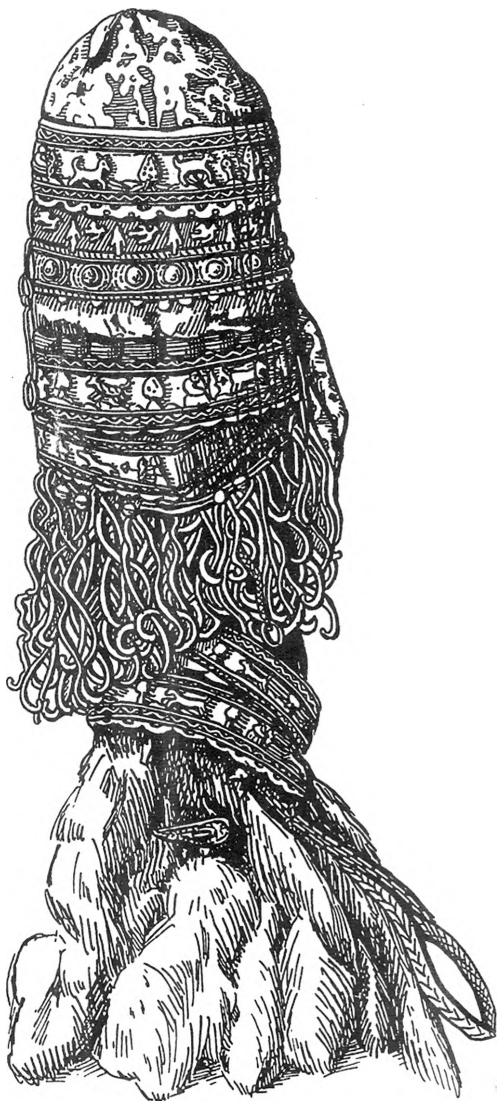

Рис. 5

Рис.4. Изображение духа с блюдом на животе

Рис.5. Изображение женского духа Вут-ими с р.Казым (Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа)

Рис.6. Военная пляска с мечами (изображение на металлическом зеркале)

жертву духам. Основой духов Али-хум (с.Новинское в устье Северной Сосьвы) и бога войны Хонт-Торума (р. Кемпаж, приток Ляпина) были пучки стрел. У приобских хантов С.В. Бахрушиным описана магическая стрела «с колдовскими начертаниями» – символ войны: «А на стреле нарезано одиннадцать шайтанов с рубежи...», на которой давали клятву.

Покровителем местных жителей Дунаевых был каменный топор, имя духа –

urt poh (Средняя Обь, с. Локтоткурт). Боевой бронзовый клевец (Старик-молот *Sak-sjka*), закутанный в одежду и платки, хранился в священном амбаре на р. Лепля вместе с предком Сампильталовых как его друг и помощник. На р. Пельым (Черные юрты) почитали духа в виде копыя. По преданию, его клали на жертвенное животное, которое под его воздействием умирало. На Нижней Оби в с. Большой Атлым почитали два железных копыя-духа, хранящихся в берестяном туеске. В с. Анеево (Северная Сосьва) духа Шахэл-Торум почитали в виде клинка, к эфесу которого была прикреплена человеческая личина⁵⁴.

Ножи приносили в жертву Чохрын-ойке, а также Какыц-пунгк-ойке; на святилище у с. Ханглы (Северная Сосьва) в кедр около изображения духа были воткнуты 16 наконечников стрел и 7 ножей. Копья, стрелы, сабли окружали Ортика, Обского старика, некоторые из них были воткнуты в стол, на котором стояли духи. Это оружие использовалось в жертвоприношениях как оружие воинственных духов (в фольклоре много упоминаний об оружии – саблях, мечах), как оружие стражей духов (например, около Кондийского духа, спрятанного вогулами-манси): «Знамения воинских дел, щабель, панцеров множество обретається... наипаче при кумирах»⁵⁵. Убедительным представляется мнение ученых о том, что культовые коллекции Приобья (так называемые клады) I тыс. до н.э. – это остатки древних святилищ. Сабли, шпаги, ножи, топоры использовали во время клятвы на медвежьей шкуре, обходя вокруг ели под саблями⁵⁶.

Оружие использовали и при проведении обрядов. Так, с хранившимися в святилищах старинными саблями, шпагами, мечами (стрелами) участники ежегодных или периодических (в течение 3 или 7 лет с последующим 3–7-летним перерывом) праздников в честь почитаемых духов исполняли военные пляски (рис. 6). Впервые такую пляску описал В.Н. Шавров, наблюдавший ее на Нижней Оби в 1826 г. (это описание затем перешло в публикации Ф. Белявского, М.А. Кастрена, Н.А. Абрамова). О военных плясках с саблями в с. Ломбовож писал В.Н. Чернецов: «Танцевали, взяв в руки сабли и надев на головы шлемы»⁵⁷. В доме П.Е. Шешкина (он был хранителем святилища в Ломбовоже) были обнаружены сабли (одна сабля была деревянная в металлических ножнах – очевидно, заменяла металлическую, рассыпавшуюся от времени) и венчики-наголовники, в которых танцевали мужчины; деревянные сабли и мечи обнаружены в могильнике Халас-Пугор (Нижняя Обь). Сабля могла играть роль бутафорской лошади во время медвежьего праздника, на ней гадали во время жертвоприношений, а также шаманы во время камланий и обрядов (шаманы гадали также на топоре, ноже); шаман протыкал тело стрелой, копьём или саблей; лук со стрелой мог играть роль бубна⁵⁸. Металлические фигурки нашивали на шаманский костюм.

Отметим также особую роль металла в погребальном обряде: в некоторых случаях было запрещено класть в гроб нож, в других – его помещали в ноги умершего либо на тело клали бляху, кольцо.

Подводя итоги, можно еще раз перечислить как сами изделия из металла, так и их функции в религиозных обрядах:

1) литые зоо- и антропоморфные фигурки (как объемные, так и плоского литья) – археологические находки, изготовленные на месте, привозные – использовались в качестве изображений духов, их помощников, вместилищ души;

2) обкладки на лицах изображений духов;

3) маски с прорезями для глаз и рта, наглазники, наротники – надевались на лица умерших;

4) монета, пуговица, бляха имитировали лицо духа или вместилища души; монета на груди и в боку изображения духа или вместилища души;

5) медные пуговицы, кружки из жести, монеты, а также бусинки, дробинки, стекло, драгоценные камни применялись для фиксирования глаз и рта на лицах деревянных изображений, вместилищ души умерших, на масках из оленьей шкуры, покрывающих лица умерших, на глазах и носу медведя, на маске участников медвежьего праздника;

6) тарелки, блюда, чаши на месте лица духа (на дереве, шесте, мешке, имитирующих его туловище); использовались как посуда для крови, мяса жертвенных животных и для хранения пожертвованных денег, а также в качестве приношения духу, умершему;

7) тарелочки, блюдца служили атрибутами Мир-сусне хума;

8) пластины-венчики, или налобники, – на месте лица (Вут-ими), на голове духа, на головах танцоров во время военной пляски, как украшение на шее медведя, а также приношение духу;

9) стрелы, боевые топоры, клевцы, копыя, клинки, ножи – изображения духов, приношения им (и умершим), их оружие и оружие их стражей, атрибуты военных плясок, бутафорский атрибут для медвежьего праздника (лошадь), сакральные предметы для гадания, обряда клятвы, жертвоприношения, символ войны;

10) металлические подвески шаманского костюма изображали духов-покровителей и помощников шамана.

Если обратиться к литературе, то лишь В.Н. Чернецов и С.В. Иванов задались вопросом о причинах использования металла в культе обских угров. В.Н. Чернецов обратил внимание на роль серебряных предметов в обско-угорских обрядах и связал это явление, во-первых, с традицией угров, во-вторых, – с культом солнца: «... приход угров-коневонов на север повлиял в сторону усиления роли космогонических представлений в верованиях обско-уральского населения и ввел в культ применение металлических дисков, зеркал и блюдов, изображавших солнце и луну»⁵⁹. Он считал, что эти серебряные (круглые) предметы отражали космический культ мирового дерева и небесного орла на его вершине. В-третьих, солярный культ хантов и манси он сопоставил с почитанием Мир-сусне хума. Наконец, он счел культ серебряных блюдов первичным (более ранним), а культ серебряных фигурок животных – вторичным, более поздним.

Возможно, в отношении использования блюд, тарелок, блюдец, зеркал и дисков (а также монет на груди и в боку вместилища души или зооморфной фигурки) это очевидно и В.Н. Чернецов (а вслед за ним и другие авторы) был прав. Однако необходимо оценивать это явление, имея в виду весь комплекс металлических предметов, используемых в культе, определяя в целом значение металла в культовой практике обских угров и причины возникновения подобных обрядов.

Материалы С.В. Иванова показывают, что металлические накладки на лицах изображений духов встречаются у обских угров, ненцев, нганасан и кетов, а тарелки и пуговицы – у хантов и манси. Он сделал, на наш взгляд, чрезвычайно важный вывод о том, что целью использования металла подобным образом было «сделать деревянные изображения похожими на металлические, когда-то широко распространенные среди древних угорских племен»⁶⁰.

О погребальных масках у обских угров и их возможных предков писали разные авторы⁶¹.

Первое, что бросается в глаза при сравнении обских угров с другими финно-угорскими и сибирскими народами, как мы уже показали, это необычайно большая роль металла в их обрядах и культурах. Подобное не наблюдается ни у кого более из сравниваемых народов: у большинства этносов Сибири изображение духов и богов изготавливалось из дерева, реже – из камня, кости, тканей, перьев, шерсти, бересты. Металл встречался у них в основном лишь в шаманской практике – это атрибуты шамана (в том числе сабли), детали его костюма. Очень редки инкрустации металлом деревянных сакральных скульптур (эвенки, удэгейцы). У эвенков были металлические шаманские маски, известно лишь одно изображение духа с медной маской на лице; у селькупов лица деревянных изображений Ыя и его жены были обиты жемчугом, на груди духа *юнга* укреплена металлическая фигурка всадника (о сходстве культуры хантов и селькупов писала Г.И. Пелих)⁶².

Второе – особое почитание обскими уграми изделий из меди, золота и серебра: в фольклоре постоянно употребляются эпитеты «медный», «золотой», «серебряный»

(«медный город», «серебряный город», «золотая лебединая шкура», «золотой дом», «золотая ограда», «золотые листья березы», «серебряная дверь, золотая дверь»; северное сияние – *сорни тут* – «золотой огонь» и т.п.)⁶³.

В былинах иртышских хантов воспеваются белизна, прозрачность тела – особая красота богатырей, «сделанная» как бы из серебра и золота. В фольклоре серебро называется сибирским (угорским) металлом – *Siper oln, Soper oln*⁶⁴.

Таким образом, это отношение к золоту и серебру, а также к металлу в целом – явно неместная (неаборигенная) черта, появившаяся в Сибири вследствие контактов проживавших здесь народов с южными кочевыми (скорее всего степными) племенами, которые на своей родине имели большие возможности использовать металл и в вооружении, и в быту, и в культовых целях. По-видимому, как лошадь для жертвоприношения у коневодческих в прошлом племен была предпочтительнее, чем любое другое животное, так и металл у них был наиболее желателен для культовых целей. В связи с переселением на север уменьшалось количество металлических изделий, а также металла для их изготовления, поэтому он стал особенно цениться и почитаться, причем главным образом в культуре. Отсюда стремление иметь либо литые из металла изображения духов, либо использовать его для накладок на личины, инкрустации глаз, рта и т.п.

Третье, на что следует обратить внимание: металл использовался не только для изображения духов, их оружия, приношений им, сакральных военных плясок, медвежьего праздника, обрядов жертвоприношений, почитания Мир-сусне хума, гаданий, принесения клятв и присяг, шаманских действий, но и в погребальном культе (погребальные маски, вместилища души). Вопрос о масках умерших, как и о масках вообще, отличается сложностью и многоплановостью⁶⁵. Мы остановимся на нем вкратце лишь в связи с нашей темой.

Целью закрывания лица умершего маской исследователи считали стремление: 1) скрыть изменения лица умершего от окружающих; 2) сохранить черты лица умершего; 3) обмануть или устранить злых духов, стражей ада; 4) изолировать умершего от живых из страха перед покойником; 5) приобщить умершего к божеству; 6) сохранить двойник умершего (его душу); 7) разорвать связь между земной и потусторонней жизнью; 8) показать лицо (глаза и рот) души-тени; 9) дать возможность могильной душе *кэдо* (у селькупов) превратиться в паука, а не в черта⁶⁶.

Для погребальных масок древних греков, римлян и других можно принять одно объяснение – стремление сохранить индивидуальные черты умершего. Оно может иметь определенное значение и для тех предков угров, у которых обнаружены металлические, возможно, посмертные маски с выраженными чертами лица. Но в целом для угорского мира более важны, вероятно, представления о душе, ее возрождении, обитании умершего в загробном мире. Наложение металлической маски на лицо умершего с прорезями для глаз и рта идентично процарапыванию глаз и рта на лице у металлического и деревянного изображений духа, так же как и обозначению их с помощью монет, пуговиц и пр. – все это связано с представлениями о душе. Возможно, лицо умершего закрывали маской, чтобы изолировать его от живых, разорвать связь земной и загробной жизни. И.П. Росляков писал: «По мнению остяков, умерший перестает видеть, слышать, обонять и говорить, т.е. теряет связь с земным миром»⁶⁷. При этом непременным условием как для изображения духа, так и для умершего и его вместилища души была фиксация его глаз и рта (иногда и ушей). В отличие от всего, что имеет душу, на детских куклах-игрушках черты лица никогда не намечали – в них не было души. Правда, не все иттармы у хантов и манси имели обозначенные черты лица: иттармы детей, молодых женщин делали из маленькой одежды, их и не хранили (в отличие от иттарм стариков-предков) – хоронили или просто выбрасывали в лесу. Отметим, что и в Танкаевском могильнике из 430 погребений только в 40 были маски. Возможно, металлических (особенно золотых, серебряных) масок удостоивались лишь особо знаменитые, важные, богатые люди.

Может быть их уподобляли предкам, духам-покровителям, которых изображали в металле или с его применением.

Если обычай почитать металлические изображения духов можно сопоставить с обычаем накрывать лицо умершего металлической маской, то обычай показывать черты лица почитаемого духа с помощью куска металла (жесть), пуговиц, монет, бусин, стекла (глаза и рот) сравним с обычаем закрывать лицо умершего маской из оленьей шкуры с металлическими надглазниками и наротниками, бусинами, медными пуговицами на месте глаз и рта. Очевидно, первичны металлические фигурки и полные маски; позднее, при нехватке металла, последний стали использовать частично или заменять его пуговицами, монетами, бусинами и т.д.

Наконец, четвертое, на что необходимо обратить внимание: столь широкое использование металла в культе и обрядах, особенно серебра, характерно для манси и северных хантов (возможно, и южных). Сведений об этом у восточных хантов почти нет – пожалуй, восточная граница этого явления отмечена нами на Сальме. Правда, наши изыскания в этом направлении не были исчерпывающими, их следует продолжить. Если же мы правы, то это может означать лишь одно: формирование восточной группы хантов действительно было иным, они теснее, чем остальные ханты и манси, связаны с уральским аборигенным субстратом⁶⁸, у их предков было меньше контактов с южными индоиранскими племенами.

Итак, металл широко употреблялся в культовой практике хантов и манси в силу особого к нему отношения, вплоть до почитания серебра в связи с культом солнца их южных предков, имевших возможность широко использовать различные металлы. Мы видим, как со временем, постепенно металл использовался в культе хантов и манси все меньше и меньше – его не хватало. Изображения духов и вместилища души становились деревянными, погребальные маски – сделанными из куска оленьей шкуры (возможно, и берестяные, деревянные маски актеров медвежьего праздника сменили металлические?), на нос и глаза медведя вместо монет стали класть берестяные кружки, для обрядов и жертвоприношений использовалась деревянная и берестяная посуда, даже металлическая сабля была заменена на деревянную...

В то же время нельзя не вспомнить о том, что в некоторых обрядах запрещалось использовать металл. Так, во время медвежьего праздника его мясо нельзя было резать ножом, есть металлическими вилками, ложками; специальными деревянными ложками-лопаточками ели ритуальную кашу во время различных молений и периодических празднеств. В ряде случаев запрещалось класть металлические предметы в гроб, скреплять гвоздями его доски, убивать жертвенное животное копьём, ножом, топором (только душить, убивать дубинками, протыкать кольями), работать с помощью острых металлических предметов во время траура (шить, колоть дрова и пр.). Напротив, топором, ножом, сверлом, втыкая его в порог дома, перекрывали путь душе умершего с кладбища⁶⁹.

Возможно, верно лежащее на поверхности следующее объяснение подобных запретов: погребальные и, вероятно, некоторые другие обряды (в частности, жертвоприношения, культ медведя) хантов и манси сложились раньше, чем появился металл и в тайгу пришли кочевые степные племена. Обряды аборигенного (палеолитического и неолитического) населения сложились в тасжной зоне, когда еще не было металла, поэтому последний для них изначально нежелателен, к нему было устойчивое осторожное отношение. Лишь позднее, под влиянием пришлого с юга населения часть обрядов (например, медвежий праздник) трансформировалась и металл вошел в культовую практику в силу изменившегося отношения к нему населения.

Кто же были эти кочевники: угры, обитавшие в степях Северного Казахстана и Приаралья и подвергшиеся сильному влиянию соседних индоиранских племен (по В.Н. Чернецову), или сами индоиранцы, оказавшие огромное влияние на угров Западной Сибири, – пока сказать трудно. Видимо, необходим анализ иных материалов, касающихся индоиранских связей угров, но это уже другая тема.

Примечания

- ¹ Чернецов В.И. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 1, М., 1947.
- ² Прыткова Н.Ф. Металлическая культовая посуда у угров // Сб. Музея антропологии и этнографии (далее – МАЭ). Т.Х. Л., 1949; Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970; Sokolova Z.P. Representation of a female Spirit from the Kazym River // Shamanism in Siberia. В., 1978; Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Сб. МАЭ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 216–218.
- ³ Гемуев И.И., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986; Гемуев И.И. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- ⁴ Мошинская В.И. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978; Новикова Н.И. Некоторые южные черты в духовной культуре манси // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979; *её же*. Об иранском влиянии в культуре обских угров // Сов. этнография (далее – СЭ). 1991. № 4. С. 28–36. Соколова З.П. Ардвн Сура Анахита иранцев и «Злата баба» обских угров // Сов. археология (далее – СА). 1990. № 6; *её же*. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов. Тез. докл. М., 1999 и др.
- ⁵ Чернецов В.И. Бронза Усть-Полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). 1953. № 35. Табл. VI, IX, XI–XII, XV–XVI, XVIII, XXI–XXIV; *его же*. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Там же. 1957. № 58. Табл. XXXVII, 1, 3.
- ⁶ Чернецов В.И. Нижнее Приобье... С. 147–148, 215, 224. Рис. 5. Табл. XXXVII, 2; XLII, 7.
- ⁷ Чернецов В.И. Бронза... Табл. III, 1, 2, 6, 8; IV, 2; XXIV, 3.
- ⁸ Там же. Табл. VI, 13, 14; IX, 4; XV–XVI; XVIII.
- ⁹ Там же. Табл. IX, 5; XII, 1–3; XX, 6; XXI, 7.
- ¹⁰ Там же. Табл. XX, 1–4.
- ¹¹ Гондатти И.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Тр. этнограф. отдела Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. 1888. Т. XLVIII. Вып. 2. Кн. VIII; Иванов С.В. Указ. раб. С. 51; Радлов В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1891; Теплоухов А.Ф. О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогулов и остяков // СА. 1947. № IX; Шульц Л.Р. Валымские остяки // Зап. Тюмен. о-ва науч. изучения местн. края. Вып. 1. Тюмень, 1924; Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. С. 116.
- ¹² Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Тобол. губ. ведом. 1858. № 19, 21. С. 2; Смирнов И.Н. Остяки и вогулы (югра) // Вестн. и библиотека самообразования. 1904. № 4; Скалозубов Н.Л. От Тобольска до Обдорска (из путевого журнала) // Ежегодн. Тобол. губ. музея. Вып. XVI. Тобольск, 1906. С. 7; Иванов С.В. Указ. раб. С. 33. Прим. к с. 52.
- ¹³ Соколова З.П. Находки в Шинингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. 1975. № 6. С. 143–154.
- ¹⁴ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Зап. Имп. РГО по отд. этнограф. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882. С. 35, 70; Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. С. 332; Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1839. С. 90–91.
- ¹⁵ Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. М., 1884. С. 57–58; Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журн. Мин-ва народн. просвещ. 1851. Т. LXXII. С. 3, 12; Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Науч. труды. Т. III. Часть вторая. М., 1955. С. 108; Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 227.
- ¹⁶ Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов // Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М.; Л., 1947. С. 41.
- ¹⁷ Плотников М. Янгал-Маа. Вогульская поэма. Клычков С. Мадур Ваза. Вогульский эпос. М.; Л., 1933. С. 26.
- ¹⁸ Мельников С.Е. Сведения о мансах, кочующих в Березовском уезде // Вестн. РГО. 1852. Кн. III. Отд. VI. С. 27; Сорокин Н. Путешествие к вогулам // Тр. о-ва естествоиспытателей при Имп. Казан. ун-те Т. III. № 4. Казань, 1873. С. 48; Гондатти И.Л. Указ. раб.; Инфантьев П.П. Жертва вогула... Вогулы //

Жизнь народов России. СПб., 1911–1912. С. 5, 8–9; Глушков И.Н. Чердынские вогулы // Этнограф. обозрение. 1890. Т. XLV. С. 92; Смирнов И.Н. Указ. раб. Прим. к с. 143.

¹⁹ Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 107; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 127.

²⁰ Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. Т. II. С. 25–26; *его же*. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. № 6–7. С. 122; Иванов С.В. Указ. раб. С. 54. Рис. 40, 41.

²¹ Гревенс Н.П. Культурные предметы хантов // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. IV. Л., 1960. С. 431–433.

²² Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 31, 78, 100. Рис. 93; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 48–49, 133. Рис. 28, 117–118.

²³ Кузакова Е.А. Евра – мансийский край. М., 1999. С. 25; Соловьев А.И. Указ. раб. С. 115–116.

²⁴ Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 106.

²⁵ Библиографию см.: Соколова З.П. Ардвн Сура Анахита... С. 160–161.

²⁶ См. напр.: Казаков Е.П. К итогам археологического изучения средневековых древностей Урало–Поволжья // Обские угры. Матер. II Сибирского симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999.

²⁷ Соколова З.П. Ардвн Сура Анахита... С. 155; Лопарев Хр. Самарово, село Тобольской губернии и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом. СПб., 1896. С. 3–4.

²⁸ Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975. Табл. IV, 1; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 144. Рис. 128; с. 203. Рис. 150, 2, 3.

²⁹ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 75. Рис. 69.

³⁰ Чернецов В.Н. Бронза... Табл. VI, 7; XII, 1–3; XIII, 1; Грибова Л.С. Указ. раб. табл. I, 2; II, 4; VI, 1, 2; Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. С. 164. № 63.

³¹ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск, 1995. С. 32–33.

³² Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 г. М., 1965; Абрамов Н.А. Проповедь евангелия сибирским вогулам // Журн. Мин–ва народного просвещения. № 8. СПб., 1854; Заплатин М.А. Манси ма. М., 1980.

³³ Соколова З.П. К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6. С. 46–58.

³⁴ Новицкий Г. Указ. раб. С. 56; Абрамов Н.А. О введении... С. 3; *его же*. Описание... С. 3; Паллас П.С. Указ. раб. С. 332; Плотников М. Указ. раб. С. 19; Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // Свод археол. источников. Вып. Д 38. М., 1965. С. 16; Иванов С.В. Указ. раб. С. 58–59; Лопарев Хр. Указ. раб. С. 5.

³⁵ Финн О., Брэм А. Указ. раб. С. 359–360; Чернецов В.Н. К вопросу... С. 125; Иванов С.В. Указ. раб. Рис. 39; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 53–55. Рис. 49, 2; Соловьев А.И. Указ. раб. С. 115.

³⁶ Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т. I. М., 1965; Ковальский М. Северный Урал и береговой хребет Пай–Хой // Тр. экспедиции РГО. Т. I. СПб., 1853. С. XXVII; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 80–81, 83–84.

³⁷ Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о погребальных обычаях вогул // Тр. о-ва естествоиспытателей при Импер. Казан. ун-те. Т. XXIV. Вып. 3. Казань, 1908; Харламович К. К вопросу о погребальных масках и куклах у западно-сибирских инородцев // Там же. Т. XXIII. Вып. 6. Казань, 1908. С. 81; Иванов С.В. Указ. раб. С. 40. Рис. 28.

³⁸ Зуев В.Ф. Указ. раб. С. 42.

³⁹ Шухов И.Н. Из отчета о поездке весной 1914 г. к казымским осякам // Сб. МАЭ. Т. III. Пг., 1916; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 77, 120–121; Смирнов И.Н. Остяки... С. 147.

⁴⁰ Иванов С.В. Указ. раб. С. 42. Рис. 31; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 75. Рис. 70; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 54–55, 57. Рис. 33а; 36; 40; 41; 45; 49; 77–79; 82; 83; 85.

⁴¹ Новицкий Г. Указ. раб. С. 48, 50, 72; Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 108; Шавров В.Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в о-ве истории и древностей российских при Импер. Моск. ун-те. Кн. 2. М., 1871. С. 7; Абрамов Н.А. О введении христианства... С. 4; *его же*. Описание... С. 4; Мифы, предания, сказки хантов и манси // Сказки и мифы народов Востока. М., 1990. С. 168; Эйрисе Ж.-Б.-Б. Живописное путешествие по Азии. М., 1839. С. 85; Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири 1838–1844, 1845–1849 гг. // Собрание старых и новых путешествий. Ч. II. М., 1860. С. 185–186; Иванов С.В. Указ. раб. С. 43; Лопарев Хр. Указ. раб. С. 18–19.

⁴² Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Вып.191. Пермь, 1968; Ковальский М. Указ. раб. С. XXVIII; Соловьев А.М. Указ. раб. С. 115.

⁴³ Шавров В.Н. Указ. раб. С. 7-8; Белявский Ф. Указ. раб. С.95-97; Абрамов Н.А. Описание... С. 4; Финиш О., Брэм А. Указ. раб. С. 436-437. Рис. па с. 430, 487-488.

⁴⁴ Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // Сб. МАЭ. Т.Х. М.;Л., 1949. С. 15; Иванов С.В. Указ. раб. С. 43; Карьялайнен К.Ф. Указ. раб. С. 60-61.

⁴⁵ Чернецов В.Н. К вопросу... С. 123; Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 105; Карьялайнен К.Ф. Указ. раб. С. 88-90, 94-95; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 94. Рис. 86; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таяжного края. Новосибирск, 1989. С. 104-105.

⁴⁶ Чернецов В.Н. К вопросу... С. 121 (и легенда на с. 126-134).

⁴⁷ Там же; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 70-72. Рис. 65-66; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 76-77. Рис. 59-60; Пелих Г.И. Указ. раб. С. 147-148.

⁴⁸ Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 109.

⁴⁹ Мельников С.Е. Сведения о мансах... С. 29; Абрамов Н.А. Проповедь евангелия... С. 47-48; Сорокин Н. Указ. раб. С. 8, 47-48; Карьялайнен К.Ф. Указ. раб. С. 115-116; Чернецов В.Н. К вопросу... С. 120; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 128. Рис. 114.

⁵⁰ Чернецов В.Н. К вопросу... С. 122; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 82-83; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 117-118. Рис. 105; Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 106. Прим. 4.

⁵¹ Инфантьев П. Указ. раб. С. 81.

⁵² Чернецов В.Н. К вопросу ...; его же. Нижнее Приобье... С. 243, 245; Казаков Е.П. К итогам... С. 30; Бауло А.А. Новые находки серебряных изделий у манси // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2000. Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 77; Соловьев А.И. Указ. раб. С. 107, 116; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Указ. раб. С. 54-56, 89-92, 96-97.

⁵³ Sokolova Z.P. Representation...; Зуев В.Ф. Указ. раб. С. 41; Паллас П.С. Указ. раб. С. 79; Белявский Ф. Указ. раб. С. 104-106; Абрамов Н.А. О введении христианства... С. 4; его же. Описание Березовского края. С. 4; Финиш О., Брэм А. Указ. раб. С. 488; Эйрисе Ж.-Б.-Б. Указ. раб. С. 79-80; Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 146; Гревенс Н.Н. Указ. раб. С. 433-434; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 90. Рис. 83; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 86, 117. Рис. 104; Новицкий В. К культуре медведя у вогулов р. Сосьва // Наш край. № 7. Тобольск, 1925.

⁵⁴ Белявский Ф. Указ. раб. С.92-93; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 160. Рис. 144; Гемуев И.Н., Сагалаев А.И. Указ. раб. С. 21-22, 46-52, 55, 59-60, 61. Рис. 16-19, 47, 51, 54, 59; Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 104, 110, 145; Гревенс Н.Н. Указ. раб.; Чернецов В.Н. К вопросу ... С. 122; Новицкий Г. Указ. раб. С. 80-82; Абрамов Н.А. Проповедь... С. 46.

⁵⁵ Соколова З.П. Пережитки... С. 220-221. Рис.9; Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 32-33, 35-36. Рис. 15, 33; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 79-80; Шавров В.Н. Указ. раб. С. 7; Белявский Ф. Указ. раб. С. 94-101; Новицкий Г. Указ. раб. С. 83-84; Карьялайнен К.Ф. Указ. раб. С. 62; Абрамов Н.А. Проповедь... С. 46; Мифы, предания... С. 119, 265, 275, 294, 295, 407, 412; Новицкий Г. Указ. раб. С. 289; Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. 35. М., 1953. С. 222; Соловьев А.И. Указ. раб. С. 79, 107, 113-115.

⁵⁶ Зуев В.Ф. Указ. раб. С. 50-51; Бахрушин С.В. Указ. раб. С. 109.

⁵⁷ Шавров В.Н. Указ. раб. С. 9-10; Белявский Ф. С. 89-91; Кастрен М.А. Указ. раб. С. 185-187; Абрамов Н.А. Описание... С. 7; Чернецов В.Н. К истории родового строя... С. 178.

⁵⁸ Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 84-87, 89-90, 117. Рис. 69-70-72; Соколова З.П. Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1991. С. 226-227; Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890. С. 170-171; Финиш О., Брэм А. Указ. раб. С. 487; Соловьев А.И. Указ. раб. С. 117-118.

⁵⁹ Чернецов В.Н. К вопросу... С. 125.

⁶⁰ Иванов С.В. Указ. раб. С. 62.

⁶¹ См. работы С.К.Кузнецова, Н.Ф.Высоцкого, К.Харламповича, Е.П.Казакова.

⁶² Иванов С.В. Указ. раб. С. 169-170, рис. 152; Соловьев А.И. Указ. раб. С. 115; Пелих Г.И. Указ. раб. С. 304, 314-315.

⁶³ Мифы, предания... С. 267, 271, 275, 302, 339; Финиш О., Брэм А. Указ. раб. С. 457-458; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Указ. раб. С. 78.

⁶⁴ Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1891. С. 108; Чернецов В.Н. К вопросу ... С. 125.

⁶⁵ Новикова Л.А. Маска в культуре // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991.

⁶⁶ Высоцкий И.Ф. Указ. раб. С. 255, 257, 259; Росляков И.П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губ. музея Вып. V. Тобольск, 1895–96. С. 3; Харлампович К. Указ. раб. С. 472–473, 482; Казаков Е.П. Указ. раб. С. 238–239; Пелих Г.И. Указ. раб. С. 116, 266–267.

⁶⁷ Росляков И.П. Указ. раб. С. 3.

⁶⁸ Об этом см.: Соколова Э.П. Обско-угорский феномен. С. 34.

⁶⁹ Соколова Э.П. Ханты и манси (похоронная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 128, 131–132, 134, 139, 141.

Z.P. Sokolova. Use of metal in the cult practices of the Ob-river Ugrians

Collected in this article are pieces of evidence to the use of metal in the cult practices of the Khanti and Mansi peoples. The author cites the data available on this issue and offers on their basis her hypotheses to explain the greater popularity of metal compared to other materials among the said peoples. The work lists both the very metallic artifacts and the functions they perform in religious rites and rituals.

© 2000 г., ЭО, № 6

М.М. Громыко

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ НЕКАНОНИЗИРОВАННЫХ ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ XIX в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ*

Широко известно обстоятельное исследование древнерусских житий святых как исторического источника, предпринятое В.О. Ключевским¹. Почин ученого не был продолжен: жизнеописания прославленных и тем более не прославленных подвижников благочестия более позднего времени в этом аспекте не рассматривались.

О возможностях агиографической литературы как этнографического источника не было и речи в специальных работах. Между тем фактически (без термина «этнография») уже В.О. Ключевский отметил значение древних житий для изучения именно народной жизни. «Читая жития, – писал он, – мы присутствуем при двух основных процессах нашей древней истории: мы встречаемся лицом к лицу с древнерусским человеком, который, вечно двигаясь с крестом, топором и сохой, в зипуне и в монашеской рясе, делал одно немалое дело – расчищал место для истории от берегов Днепра до берегов Северного Океана и в то же время, несмотря на такую растяжимость, умел собрать силы на создание государства, сдержавшего и вторжения с Востока, и пропаганду Запада»².

Использование В.О. Ключевским агиографических материалов для характеристики повседневной жизни и религиозного сознания народа подчеркнули А.И. Плигузов и В.Л. Янин в «Послесловии» к репринтному изданию 1988 г. (первому в советское время!) его работы: «Примеры, почерпнутые Ключевским из житий святых, не раз

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 00-01-00422а.